Джоффри с криком проснулся, барахтаясь в кровати, прежде чем его стошнило на пол.

— О боги… О боги… О боги… — говорил он, его дыхание ускорялось с каждым словом.

Внезапно, он осознал, что Пёс, продолжая осматривать комнату, грубовато хлопает его по спине, отложив свой длинный меч сбоку от себя.

— Боги… Сандор… Станнис… Поверить не могу, проклятый колдун… — бормотал Джоффри, содрогаясь от воспоминаний, полных ужаса и мучительной боли, вызванных тем существом. На мгновенье ему показалось, что после этого он уже не проснётся.

— Это всего лишь сон, принц Джоффри. Всего лишь сон, — неловко ответил Пёс, отводя руку и поднимаясь, всё также осматривая комнату.

— Сандор, я… точно… Ах… — он слегка покачал головой.

Мы вместе сражались, смеялись и получали раны, а он ничего из этого не помнит…

Эта мысль чуть снова не вызвала у него слёзы, но он крепко закрыл глаза и затем больно ущипнул себя за руку, вызвав тем самым кровь.

— Найди нам корабль, Пёс, завтра мы отправляемся в Старомест с первыми лучами солнца, — сказал он, взяв себя в руки.

Это всё усложняет… но если Станнис некто вроде колдуна, разве не мог бы он помочь мне с Пурпуром? С ответами на мои вопросы?

Джоффри тщательно обдумал эту мысль.

Нет, он желает моей смерти, и, возможно, даже имеет способ сделать её окончательной. Приближаться к нему теперь — безрассудство. Я не готов.

Джоффри не глядя вытянул руку влево от себя, схватил скрижаль из китовой кости и осмотрел её ещё раз.

— Мне нужны ответы, — сказал он ей, его бледно-зелёные глаза ожесточились.

Время дурачеств прошло.

***

После знакомой раздражающей сцены уговоров, что включала в себя тихие слова «сделать восьмёрку, прямо как я» и сомнительный термин «отцедядя», ему удалось получить место на судно до Староместа.

Город выглядел всё так же, хотя в прибытии в город с моря безусловно имелся свой шарм, и это несомненно позволило ему взглянуть на Высокую Башню в ином свете.

Джоффри пытался каламбурить про себя, чтобы отделаться от одолевшего его мрачного настроения… он счёл, что Тирион оценил бы его старания на пять из десяти.

Можно сказать, это успех.

В город он вошёл с менее бодрым настроем, чем в прошлый раз. Сейчас тут был он, Пёс, да

дюжина красных плащей, от которых он планировал избавиться при первой возможности. Только после этого он сможет приступить к работе.

И в этот раз у него был план. Это займёт какое-то время, но…

Джоффри почувствовал, что у него не хватает знаний не то что понять, даже пережить то, что происходит с ним, а возможно даже и с миром. Чем бы это ни было.

Ему не только нужны были подсказки к ответам на его вопросы, нет, Джоффри осознал, что у него не хватает даже базовых знаний, чтобы понять, что ему, чёрт возьми, нужно делать. Он собрался избавиться от ощущения собственной глупости, что всё сильнее укреплялось в нём все эти годы, ещё с первой жизни.

Летние Рыцари, Маргери, Тайвин и все «будущие» заговорщики могут катиться в пекло.

Во имя Богов, он станет таким же умным, как Тирион, даже если это буквально приведёт его к гибели.

***

— Не двигайся, прошу, не двигайся, — попросил он, трогая бледный лоб мужчины, с закрытыми глазами пытаясь ладонью определить температуру. У них было только два дорогих стеклянных термометра, что уже использовались другими.

«Явная лихорадка», — подумал Джоффри, когда мужчина закашлял, после чего закатил простую трикотажную рубаху. Красные пятна на животе… жуткая головная боль...

Он мгновенье стоял, обдумывая случай, пока мужчина ворочался в койке и что-то невнятно бормотал.

Джоффри кивнул сам себе и быстро зашагал в сторону кабинета мейстера. По пути он прошёл мимо нескольких дюжин небольших коек, из которых около половины были заняты людьми в состояниях разной степени. Малый «госпиталь» — слово, что он услышал у иноземных моряков — был единственным местом в городе, где поддерживали чистоту и можно было поправить здоровье, если у тебя не было денег на помощь мейстера. Бедные простолюдины и другие жители города относились к этому месту с чем-то средним между подозрительностью и бесконечной признательностью, но его настоящее предназначение не предусматривало ни того, ни другого… это была всего лишь практика.

Мейстерам и аколитам нужно было место для учёбы и получения своих серебряных звеньев без риска убить своих пациентов… или, лучше сказать, место, где в случае, если ты «облажаешься», тебе не придётся иметь дело с группой разъярённых и вооружённых дворян, требующих возмещения ущерба.

Он остановился у двери, пытаясь скрыть улыбку. В обычных случаях необходимо наблюдение мейстера или двух, а в случае провинности, за наказание отвечает совет сенешалей. Они руководили наиболее обученными аколитами, что проходили здесь практику, и заботились о том, чтобы смертей пациентов было не слишком много.

Это в обычных случаях...

Он услышал приглушённое «Войдите», после чего открыл дверь. Однако в этом году чрезвычайно неожиданным, практически беспрецедентным решением, архимейстер Эброуз

Целитель, у которого кольцо, жезл и маска были сделаны из серебра, во всеуслышание объявил, что будет наблюдать за аколитами в госпитале, а также помогать в их тренировках.

И именно этим он и занимался. Однако, обучением одного конкретного, не сообщившего своего имени аколита, он занимался куда больше, чем обучением остальных, даже давая тому частные уроки — редкость, которой обычно удостаивались лишь самые многообещающие мейстеры с годами опыта за спиной. Этот конкретный аколит стал предметом бурных споров, зависти и домыслов во всей Цитадели.

Джоффри подавил улыбку, когда благодушный архимейстер кинул на него взгляд, убирая перо для письма в сторону и отодвигая книгу, что он писал, от себя. Мужчина работал над сборником множества различных видов ядовитых животных, обитавших на побережье Сотороса, продолжая свою прорывную работу на тему научного объяснения «бабочкиной лихорадки», вида скверной болезни, преимущественно распространяющейся на одном из близлежащих островов.

Невероятно, что смесь из королевского влияния, кучи денег и обещания помощи с экспедициями, может сотворить с голодом архимейстера, направленном на накопление всё больших знаний. Чтобы достичь высокого звания в Цитадели большинству нужно быть настоящими приверженцами науки, и обещание королевского патронажа было идеальной возможностями расширить горизонты их знаний. Джоффри чувствовал себя несколько виноватым за то, что это обещание никогда не исполнится.

— Итак... «Джофф»... скажи, к какому диагнозу пришёл? — спросил его архимейстер, когда Джоффри уселся на стул за переднюю старую парту.

— Диарея, колики, обезвоживание… это дизентерия… — сказал Джоффри, глядя на потолок и напряжённо размышляя. — Я бы порекомендовал… принять маковое молоко от боли и настойку из коры ясеня от инфекции. А также много-много воды… — закончил он.

Архимейстер кивнул, что-то записывая, это было рисунком тела с несколькими стрелками, показывающими на различные части желудка.

— Хороший метод лечения… если бы это была дизентерия. Всегда нужно быть уверенным, что ты не пропустил те детали, которые не подходят диагнозу… это то, о чём должен помнить каждый аколит, — мягко упрекнул он принца.

Эброузу не слишком-то нравился тот факт, что Джоффри перескочил через все годы обучения молодых аколитов, но не обсуждал этого, относясь к Джоффри как к своего рода гению от медицины среди тех, кто никогда ранее её не изучал.

«Почти как тогда, когда я проводил два года, обучаясь под его началом, прежде чем попасть сюда», — весело подумал он.

В любом случае, он никоим образом не собирался учиться как аколиты. Они были по сути слугами на побегушках у старших мейстеров.

— Красная сыпь на животе вместе с болью брюшной полости — этого достаточно, чтобы поставить другой диагноз. Брюшной тиф, — сказал архимейстер, снова посрамляя Джоффри.

«Уже три года, считая этот, как я обучаюсь у архимейстера, и объём моих знаний всё ещё незначителен по сравнению с ним», — думал принц, качая головой. Он считал, что ему потребуются ещё не менее двух лет, чтобы стать хоть в какой-то степени компетентным в этой

сфере, и он собирался так ими и воспользоваться.

Медицина была первой областью знаний, которую, как он решил, ему нужно изучить тщательно. После того, как он видел Джона, умирающего на его руках, не имея ни малейшего понятия как помочь ему…

Да, подобного рода опыт даёт впечатляющий стимул к обучению.

Джоффри снова сконцентрировался, когда они начали обсуждать общепринятые способы лечения и болеутоляющие от брюшного тифа, а также как делать более точные диагнозы. Парень буквально чувствовал, как он обучается раз в десять быстрее, нежели когда он читает учебник, что было явным доказательством огромных знаний и навыков архимейстера. Решение взять его в качестве, по сути, персонального наставника было одним из лучших, что он сделал (за это время).

Факт того, что я бессмертный, не означает, что я всё время могу бездельничать…

Лучше тратить своё время с пользой. Кроме того, чем быстрее он изучит эту область знаний, тем быстрее он сможет перейти к другой в поисках знаний и зацепок к разгадке скрижали. Также, находиться под руководством архимейстера значило обучаться прямо у высшего авторитета в данной сфере в Цитадели… Поэтому он не только учится быстрее, чем должен, но и качество знаний гораздо выше, чем при обычном способе обучения.

… Иногда страдания от Пурпура себя окупали.

Когда урок окончился и Джоффри удалось сдержать непроизвольную вспышку раздражения, ведь на него смотрели другие аколиты, он вышел из здания и вообще из Цитадели. Великий мейстер Эброуз сказал, что будет ждать его на следующий день в полдень для проведения последующего урока. После этого Джоффри обычно провёл бы оставшееся послеполуденное время либо отдыхая, либо занимаясь исследованиями по поводу скрижали. Но не в этот раз.

Он быстро повернул на аллее и на ходу избавился от громоздкой робы.

Спешащий аколит вошёл в один конец мрачной аллеи, вооруженный моряк или наёмник вышел из другого. Он был одет в с виду громоздкую, но удобную кожаную броню, а на поясе были и меч, и кинжал.

Джоффри уверенно шагал до доков, где быстро взошёл на несколько меньший, чем обычно, когг.

— Капитан на борту! — выкрикнул седой старый моряк без одного глаза. Когда двадцать или около того членов экипажа «Морского Хвоста» оторвались от своих занятий и встали, что парень мог со скрипом назвать проявлением уважения, Джоффри остановился, скрестив руки за спиной, рядом со штурвалом.

Он понимал, что ему с трудом можно доверить судно, не говоря уже о королевстве, но состояние корабля и экипажа, которыми парень управлял, уравновешивали его неверие в собственные силы. В конце концов, не похоже, что он сможет сделать всё ещё хуже.

Когг был старым и потрёпанным, а экипаж, от этого становилось как-то жаль, был даже более недисциплинированным, учитывая тот факт, что их символический «капитан» и наниматель, который выглядел скорее как ребёнок, чем матёрый моряк, появлялся не чаще раза в месяц, чтобы заплатить им за то, что они абсолютно ничего не делают и простаивают место на пирсе

Староместа.

Так было до сегодняшнего дня.

Джоффри стоял прямо, слегка расставив ноги, готовясь произнести громкую речь. Если бы он попробовал сделать так с экипажем Накаро, то «наделал бы себе в штаны» от волнения, но с этим сбродом…

— Господа, с этого дня вы по-настоящему будете отрабатывать то, за что вам платят. Я не допущу пренебрежения к приказам и дерзости на борту этого корабля. Работайте честно, по мере своих возможностей, и вы не услышите и упрёка от меня. Начнёте мне перечить… — он оглядел притихших моряков, — и вам не понравится то, что случится, — закончил он.

Джоффри позволил тишине продержаться ещё немного, после чего повелительно произнёс влево от себя.

— Старшина Тобас.

— Да, капитан? — спросил единственный верный и компетентный человек на корабле.

— Выходим из гавани и направляемся в сторону вольных городов.

Мужчина кивнул, но слегка неуверенно.

— Слушаюсь, капитан… но мы не будем загружать никакого груза? — уточнил он.

Джоффри улыбнулся.

— Груз только что взошёл на борт. Кроме того, то, что я принёс вчера, также погружено.

Старшина ещё раз кивнул, начиная отдавать приказы и погружая экипаж в рабочую суету.

Джоффри усмехнулся, когда гавань стала исчезать за горизонтом.

Можно было остаться ещё на два месяца, но лучше не рисковать.

Думаю… сначала Тирош. Прошло уже много времени с последнего визита.

После того, как он посвятил проблеме дюжину довольно коротких жизней, Джоффри стал знатоком в поисках сокровищ. В его руках не было суммы денег, достойной короля… однако для принца она определённо была приличной. Её он частью использовал, чтобы иметь под рукой свой корабль на берегу Староместа, готовый поднять паруса в один момент. Это было и его страховкой, также как и удобным способом путешествия по Узкому морю, куда бы он ни хотел отправиться, вне зависимости от движения на торговых маршрутах и порядках отправления кораблей.

Джоффри сделал глубокий вдох, смакуя солёный воздух. Он встал рядом с румпелем, кивая старшине Тобасу, мужчина безмолвно кивнул в ответ, слегка смещаясь в сторону и освобождая место для парня.

— Полные паруса! Я хочу, чтобы всё на палубе было закреплено и каждый клочок ткани был натянут! — скомандовал Джоффри, моряки торопились и готовили корабль к долгому путешествию.

Парень сделал ещё один вдох, закрывая глаза. Сандор… Спустя некоторое время Джоффри не вытерпел того, что в ответ на его взгляд, он получал лишь былую настороженность или отвращение вместо скудной усмешки Битого Рыцаря. Потому последние пару жизней он избегал Пса, так было легче… какое-то время ему нужно побыть одному.

Лишь я и море… я и море…

***

Он находился в своей каюте, ломая голову над книгой, что он «одолжил» из библиотеки Цитадели. В ней говорилось о наречиях Западного Эссоса, используемых прежде, чем валлийцы завоевали те земли, и Джоффри был уверен в одной вещи.

Это не то, что он ищет.

Он вздохнул, откидываясь на стуле, что был приколочен к полу, и размял руки.

Неожиданный стук отвлёк его.

— Да? — спросил Джоффри, уже зная что случилось.

— Это старшина Тобас, капитан… Думаю вам стоит увидеть это… — произнёс взволнованный голос.

— Не будем терять времени, старшина, — ответил Джоффри, вставая и беря свой меч.

Он открыл дверь и увидел старшину Тобаса, что часто бросал взгляд дальше в деревянный коридор и, прежде чем Джоффри успел что-либо сказать, быстро заговорил.

— Дело в экипаже, кэп, этот подонок — Моррон — подначивает остальных и…

— Всё в порядке, Тобас, за мной, — ответил Джоффри, зашагав в сторону главной палубы. Старшина осторожно кивнул, следуя за ним с железной палицей.

На палубе стоял Моррон — крупный моряк с мощными руками, которыми он бурно жестикулировал перед пятнадцатью или около того моряками.

— И думаете, капитан знает, что он делает? Да он и риф от кита отличить не сможет! Если мы будем и дальше следовать его приказам, то…

— А, матрос Моррон, — произнёс Джоффри, ступая на палубу.

На это у меня не хватит терпения…

— А вот и он! Я прохлаждаюсь прямо сейчас, не так ли?! И что ты мне… — снова начал мужчина с дерзкой ухмылкой, но был прерван.

— Ну же, давай сделаем это, Моррон. Только ты и я. Победишь — получишь корабль и всё золото в сейфе… Я даже позволю сделать тебе удар первым. Что скажешь? — спросил Джоффри, встав по центру и обнажив свой меч.

Моррон, по-видимому, опешил от такого предложения, но хмурый взгляд быстро сменился задумчивым, и он обнажил аракх — дотракийский искривлённый меч.

— Отлично, вот и всё, ребята! — счастливо взревел он, словно едва мог поверить в свою удачу. Моряки вокруг него выглядели заинтересованными, но явного ликования заметно не было, тем лучше.

Мужчина не стал медлить. Делая мощный рассекающий удар по Джоффри, он гордо произнёс:

— Настало время нового кап… кха…

Моррон опустил взгляд, увидев у себя в районе левой подмышки небольшую прореху от укола.

Джоффри покачал головой, стоя позади него и осмотрел моряков вокруг.

— Ещё кто-нибудь? — спросил он, шагая взад-вперёд по палубе, в то время как ноги подвели Моррона и мужчина завалился вперёд.

Тишина.

— ЕЩЁ КТО-НИБУДЬ?! — взревел он на матросов. Те испуганно глядели в пол.

Джоффри развернулся и лениво взмахнул рукой.

— Выбросьте его в море, — произнёс он, направляясь в сторону своей каюты.

В последний раз, когда он убивал Моррона, его обеспокоило то, как легко у него это выходит, будто это всего лишь очередной шаг в его плане по уходу из Семи Королевств — убивать мужчину снова и снова, ничего не чувствуя по этому поводу.

Теперь его лишь разозлило, что этот подонок стоил десяток минут, которые он лучше бы потратил на чтение. Впрочем, он допускал мысль, что был слишком суров к мужчине, ведь благодаря тому, остальной экипаж больше НИКОГДА не допустит и мысли о мятеже до конца этой жизни.

***

Краска пятнами пошла по всему малому холсту, погубив полностью предыдущую работу Джоффри.

— А, твою мать! — проворчал он, печально смотря на испорченную картину.

— О, большая потеря, сир Джофф, кисть бывает ненадёжным союзником, — прокомментировала Гролеа, быстро доставая для парня новый холст.

— Ну да, я плачу тебе и за такие слова… — ворчливо пробормотал Джоффри. Картина получилась отвратной в любом случае, вряд ли сильно лучше, чем рыцари, сделанные Томменом из палочек, которые частенько мелькали в записях великого мейстера Пицелля.

Факт того, что он начал примерно на том же уровне, как и его младший брат, был слабым утешением.

Джоффри находился на вершине одной из больших башен, украшающих Тирош. Как и многие вольные города, Тирош поднимался над морем за массивными стенами, а его жизненными соками конечно же была торговля. Отличным от других вольных городов его, однако, делал факт того, что огромные стены дворца были выполненные из расплавленного драконьего камня, невероятно прочного и сделанного по технологии, давно потерянной человечеством.

«Довольно много вещей было давно потеряно людьми», — размышлял Джоффри, позволяя Гролее вести его руку по другому холсту и объяснять, почему углы его картин были настолько беспорядочны.

Отсюда он видел великолепные корабли-лебеди из Летних Островов, пурпурные парусные браавосские галеи и даже редкие иббенийские китобои. Ему всегда нравилось наблюдать, как один из них причаливает, он бы взошёл на палубу так, будто это в мире не было ничего естественней, и вызвал бы команду (иббенийцев, конечно же) на поединок на копьях. Это было бы хорошей разминкой, равно как и отличной забавой, даже если это иногда и заканчивалось его разбитым черепом о твёрдую деревянную палубу.

Он пытался изобразить берег с помощью его до нелепости дорогой учительницы, Гролеи Кирратас, старой вдовы, чей муж был богатым вельможей. Не собираясь находиться в уютном, разлагающим разум невежестве, Гролея использовала часть денег своего мёртвого вельможи, чтобы усовершенствовать свои навыки и таким образом открыть свою гильдию красильщиков. Ей удалось добиться популярности как самому прославленному мешателю красок, так как самые уважаемые магистры, торговцы и вельможи платили несуразное количество золота за лучшие из её красок для волос, что были значимостью для тирошийцев, сравнимой с нуждой каждого короля в короне: чем более экстравагантной и редкой была краска, тем лучше.

Рисование считалось чем-то вроде незначительного искусства в Тироше, так как здесь считалось, что тратить превосходного качества краски, покрывая ими холсты вместо волос, было просто дурным тоном. И даже так, это искусство процветало в городе благодаря изобилию и сравнительной дешевизны красок (особенно если покупаешь ближе к берегу), и рисование стало своего рода признанным в обществе хобби, чем-то, что Джоффри намеревался выучить, помня о отвратных диаграммах и набросков ранца и бронзовой пластины, что он рисовал во время покорения горы.

Медленно, но он двигался вперёд.

«Девиз моей жизни», — подумал он отсутствующе.

Печально, но настало время возвращаться на путь его исследования. Год в Цитадели и год, проведённый в отдыхе от его интенсивного распорядка дня. Это было уговор, который он принял для себя и которого намеревался придерживаться.

Джоффри пообещал себе, что станет таким же умным, как Тирион, хотя он осознавал, что будет очень счастлив, обладая половиной интеллекта Беса, но даже это потребует усилий… и ещё большего количества времени.

Его забавляла мысль, что он буквально не знал, что настанет раньше, его интеллект станет в половину таким же, как у Тириона, или он найдёт полезную зацепку об этой скрижали.

Станнис мог бы предложить возможную подсказку, но со временем этот вариант становился тем более невероятно безрассудным, чем больше Джоффри о нём думал. То, что парень знал, говорило, что у Станниса есть магические способы убивать его постоянно, если он как-то узнает, что Джоффри проживает множество жизней.

После всего времени, что он провёл живым, он не думал, что данная перспектива будет страшить его так же, как и раньше, но мысль, что он будет умирать постоянно без понимания причины своего состояния…

Ни за что.

***

И вот он прибыл в конец своего маршрута — Браавос. И из посещения этого города можно извлечь пользу.

Зачем убивать себя самому, когда он может умереть просто тренируя свои навыки против других заинтересованных в этом участников?

И вот он разделил оставшееся золото между членами команды, отдавая старшине Тобасу в четыре раза больше обычной доли и корабль в добавок. Потом он возьмёт свой сидр в Лунной заводи. В полночь кивнёт на прощанье служанке и выйдет наружу, вооружённый кинжалом. Его владение этим оружием было ужасным, а разве есть лучший способ улучшить свои навыки, чем сражение за свою жизнь? На улицах, против противников, занимающихся этим каждую ночь, ему обычно удавалось продержаться полчаса, прежде чем какой-то браавосец повергал его движением водного танца, которыми Джоффри не мог не восхищаться как подлинным искусством.

А затем снова наступает очередь Цитадели.

***

Следующая череда жизней, по ощущениям Джоффри, прошла довольно быстро. Он отдалил себя от людей, которых знал в предыдущих жизнях и посвятил себя полностью обучению и исследованиям. И когда он не был в Цитадели, он занимался своими хобби или иными делами, повышающими его мастерство.

Хотя он думал, что с его стороны это немного самонадеянно, но в мыслях он начал добавлять к своему имени приставку «мейстер». Очевидно, он никогда не станет настолько же хорош, как полноценный мейстер, но он испытывал малую толику удовлетворения и блаженства, когда мысленно добавлял себе звенья. Сначала серебряное звено, ведь однажды архимейстер Эброуз посчитал его «более-менее компетентным» в искусстве целительства… по его стандартам.

Затем настал черёд изучения математики и экономики. В действительности, он хотел заняться магией, потратил более полдюжины жизней на убеждение архимейстера Марвина взять его в ученики, но это было словно спорить с ослом… хуже того, с ослом, что крайне не желал раскрывать своих тайн. Потому эта дисциплина переместилась в конец очереди.

И, тем самым, он погрузился в нескончаемые цифры. Архимейстер Райам, чьи кольцо, жезл и маска были выполнены из жёлтого золота, практически запрыгал от возможности обучить наследника Семи Королевств навыкам, что по его мнению были незаменимыми.

Задание, которое почти погрузило Джоффри в кому. Невзирая на всю страсть архимейстера к этому предмету, невероятно сухие и теоретические знания было очень сложно усвоить. Архимейстер, однако, не смог бы добиться своего положения, будучи упрямым, и вскоре ему удалось превратить предмет в нечто более прикладное, с упором на практику, что Джоффри, как и всегда, нашёл более информативным и даже весёлым.

Хотя идея стать архимейстером… Ладно, говорят же, что изучение чисел так вдумчиво может открыть разуму такие интересные пути, которые в ином случае остались бы закрытыми.

И вот принц Джоффри, наследник Семи Королевств и инкогнито фальшивый аколит по имени Джофф Риверс, стал мелким торговцем. Он открыл магазин на дешёвой части берега и вступил в сомнительное царство лавочников и торговцев. Мысль о череде сердечных приступов,

которая прокатится через весь Простор подобно чуме, если лорды и рыцари узнают об этом, вызывала у Джоффри внезапные припадки хихиканья, отпугивающие потенциальных покупателей.

Таким образом, когда он накопил опыт и прочёл бесконечное число книг по теме, знания из которых начали получать подтверждение в жизни, Джоффри продвинулся до страховщика кораблей, а позднее в их арендодателя (здесь, в случае если бы они узнали, головы вельмож бы взорвались вместо наступления сердечного приступа, что крайне веселило Джоффри).

Тут-то его знания о кораблях и море прекрасно сочетались, и, к его удивлению, он зарекомендовал себя как одного из самых компетентных и справедливых страховщиков малых кораблей в гавани. Архимейстеру Райаму пришлось сдерживать слёзы, когда Джоффри сказал ему об этом, мужчина заявил, что он станет самым великим Королём Семи Королевств, о котором тот только слышал.

«Вот, что числа творят с головой!» — подумал он, смеясь над этой картиной.

Джоффри также мог с уверенностью сказать, что руна не является числом ни в действительности, ни в теории, ни какой либо иностранной версией числа из тех, что знала Цитадель.

***

После этого он учился у угрюмого и строгого архимейстера Бенедикта, чьи кольцо, жезл и маска были из чистой стали.

Составляя разительный контраст архимейстеру Райаму, Бенедикта было до абсурда трудно убедить. Не из-за какой-нибудь неуместной возвышенной идеи о невозможности принцу заниматься изучением всего-навсего ковки… Нет, у архимейстера Бенедикта не было ни времени, ни желания учить полнейшего новичка тонкому искусству кузнечного дела.

Но сказать, что Джоффри был настойчивым, значит, ничего не сказать.

Поначалу ковка была сущим пеклом. У него не было никакой предрасположенности к ней, а Бенедикт задал обучению безумный темп. Два года прошли без особого прогресса в борьбе с немногословным мейстером. Он рассказывал ученику едва достаточный минимум, необходимый для понимания, а его частые приступы гнева и ворчания интерпретировать было ещё труднее, чем у Пса. Дошло до того, что Джоффри всё-таки погиб в один из годов его пребывания в Цитадели после того, как случайно устроил пожар в кузнице.

Он уже был готов сдаться, когда к нему словно пришло понимание. Джоффри осознал что думал о ковке и металлообработке в неправильном ключе. Он подходил к ним так, словно это были математика или экономика, структурированная, упорядоченная система с чёткими правилами и недвусмысленными процедурами.

Многие кузнецы, вероятно, думали о своем ремесле так же, но не архимейстер Бенедикт.

Для него кузнечное дело было настоящим творением. Он уже давно превзошёл методики, техники и чертежи других кузнецов или мейстеров, что регулярно использовались в этом ремесле. Бенедикту было так трудно их усвоить, потому он даже не задумывался о них, для него процесс создания чего-либо в кузнице едва ли отличался от живописи или резьбы по кости. Момент чистого созидания наставал, когда перед глазами у него появлялся предмет (иногда, в иное время, он создавал предметы на ходу, руководствуясь чистой интуицией) и он

просто воплощал его. Иногда Джоффри сомневался, что архимейстер видит, что он делает, настолько были затуманены его глаза, когда он представлял задуманное.

Не то чтобы это имело значение. Некоторые из тех работ, что выполнил Бенедикт, заставили бы волантийскую знать охать от трепета.

Это был тип мышления, что архимейстер пытался вбить в голову Джоффри.

Из него был настолько же плохой учитель, насколько блестящий кузнец...

Впрочем, стоило Джоффри понять это, как его темп обучения возрос многократно. Бенедикт дал ему пергаменты со всеми списками книг, что ему стоит прочесть, книгами, что ему временами приходилось читать в вольных городах в свои годы «передышек», настолько они были трудны для понимания и многочисленны. В них говорилось о всевозможных теоретических подходах к обработке металла в целом, начиная от геологии и разновидностей сплавов и заканчивая историей живописи и первых легендарных андальских кузнецов.

Однако в личной мастерской Бенедикта теория сменялась творчеством, и Джоффри проводил месяц за месяцем, пытаясь перенять тип мышления архимейстера.

Он думал, что достиг лишь частичного успеха, но даже если ему никогда не придётся использовать эти навыки снова, Джоффри никогда не забудет это чувство глубокой концентрации и выхода за пределы своих возможностей, когда он терял счёт времени и которого ему иногда удавалось достигать, чувство, что он ранее ощущал только перед схваткой, но в эти разы он творил.

С тех пор время от времени ему удавалось войти в подобное состояние, рисуя или вырезая по дереву или по кости, и за этот дар он никогда не сможет расплатиться с Бенедиктом.

Он ковал мечи, ножны, топоры, кинжалы и все виды брони. Он создал красивый боевой топор, и его печалило то, что ему никогда не получится вручить его Тириону лично, и шлем для Пса, на котором был изображён вываливший язык Призрак вместо обычного пса.

Джоффри всё же послал их в Королевскую Гавань с помощью всадника, но ему никогда не увидеть их реакции.

Однажды Джоффри понял, что архимейстер Бенедикт входил в это отрешённое состояние каждый раз, когда что-либо ковал.

Каждый. Раз.

После этого он осознал, почему все аколиты, заинтересованные в получении стальной цепи, говорят об архимейстере в стальной маске с почтительным благоговением.

Вот это человек, достойный Уважения.

К сожалению, руна не была ни символом какого-либо элемента, известного в Цитадели, ни клеймом какого-нибудь кузнеца или работника по металлу, которого там знали.

***

Следующим шло то, что должно было стать очевидно первым выбором, учитывая перспективу. История.

Архимейстер Перестан, историк, у которого кольцо, жезл и маска были сделаны из меди, стал его учителем. У него был пытливый ум и мягкий голос, врождённый учитель, он давал Джоффри частные лекции, которые часто превращались в головокружительные, но правдивые рассказы о войнах и потерях, битвах и мире, переселениях и вымирании. Джоффри научился способам мейстера изучать вещи, которые не видел ни один живущий смертный, методам разгадывать языки, давно утерянные человечеством.

Он узнавал о фанатичных андалах и их стремлениях, о первых людях и их древних традициях.

Джоффри представлял у себя в сознании Гигантов и Детей леса, Войну рассвета и Века Героев, Драконов и гибельные пепельные вулканы.

Он размышлял о королях и рыцарях, фанатиках и мудрецах, амбициозных лордах и глупых деревенщинах.

Часто парень грезил об андальских военных монахах с вырезанными рунами на груди и о свирепых легионах драконьих всадников, оставляющих в воздухе неуловимые следы...

Но ни в Вестеросе, ни в Валирии не было когда-либо каких-то следов этого, а если и были, прошло уже слишком много времени.

***

Он нередко проводил годы в отдыхе от обучений, укладывая и систематизируя знания в голове и выпуская пар различными способами.

Один раз он нашёл нечто интересное, взбираясь на северные горы Западных земель во время следования и изучения некоторых старых маршрутов, на которых Джейме Хилл и его друг-мейстер проводили изыскания более тысячелетия назад. Джоффри карабкался по крутым холмам и скалистым горным тропинкам, отваживаясь забираться в те места северных гор, о которых не сохранилось памяти ни у кого из ныне живущих. Он находил своим историческим и геологическим знаниям практическое применение, проводя поиски предполагаемой родины Ланна Умного, основателя его Дома.

И после месяцев блужданий по лезвию бритвы, он был уверен, что нашёл её, или, по крайней мере, нечто, что выглядело крайне похоже на неё. Древняя община небольших деревень, стиль построек которых буквально кричал о первых людях и чьи люди говорили на разновидности старого языка, о котором у Джоффри были лишь самые базовые знания.

После того, как парень чуть было не погиб от стрелы, он был принят как давно потерянный родственник жителями деревни, чей образ жизни, казалось, практически не менялся тысячи лет. У древних первых людей определённо не бывало гостей, судя по тому, как они продолжали накачивать его едой.

Это было слегка странно, словно обнаружить, что у тебя есть дюжина родственников, все похожие на тебя, но слегка отличающиеся. У них было саркастичное и сухое чувство юмора, что несколько напоминало ему о Тирионе, к его бесконечному смущению.

Не может ведь кровное родство быть настолько явным?!

О, и ещё все они были светловолосыми.

Некоторые интересные находки, однако, привели Джоффри в затруднение. Он нашёл большие

запущенные опорные плиты с алтарями, и что-то вроде этого, когда он расспрашивал старосту деревни, использовалось, по их словам, как способ «общения со львами». Более он ничего не понял, и, к несчастью для него, львы, которые, по-видимому, рыскали когда-то по долине, давно вымерли.

Жаль. Было бы интересно увидеть какого рода жертвы приносят духу Льва. Джоффри думал, что первые люди поклонялись безымянным духам только через чардрева, но, как он и подозревал, нельзя узнать всё из одних лишь книг.

Другой находкой был любопытный чёрный монолит, построенный из чёрного камня, что не сильно отличался от такого в волантийских чёрных стенах, впрочем, камень обелиска был несколько темнее и не обладал проработанными до мелочей узорами, которыми славились валирийские постройки.

При условии, что всё это не является частью некой изощрённой шутки Ланна, поговаривали о том, что обелиск был здесь всегда, и даже не один — они находились повсюду, начиная от центра деревни и заканчивая заброшенными пещерами, однако из всех, о которых жители знали, сохранился только этот.

Обелиск выглядел повидавшим виды, обветренным и ободранным. Время и климат сделали своё дело.

Исходя из того, какое впечатление он создавал, Джоффри не сомневался в том, что когда-то обелиск был гладким. Хотя если на нём что-нибудь и вырезали или рисовали, то оно было утеряно во времени.

Глаза Джоффри чуть не выпали из глазниц, когда он ударил по обелиску стальным альпинистским крюком и инструмент разломился пополам. Час импровизированной и спешной проверки прочности спустя (архимейстер Бенедикт убил бы его за недостаточную тщательность), оставил его со сломанным мечом, ножом, множеством крюков, а также с кучей клоков светлых волос.

Он теперь с уверенностью мог сказать, что эта штука была крепкой.

Джоффри уверенно стал бы утверждать, что булыжник испортило время, если только команда из крайне настойчивых осадных мастеров первых людей не провела тут десятилетие, или даже все пять, работая по обелиску с батареи катапульт.

Однако есть ещё кое-что...

Если оловянная маска архимейстера Касто не была подделкой и он действительно обучал Джоффри геологии...

Принимая во внимание наглядную прочность материала и среднее значение для годовой эрозии от ветра и песка...

Он покачал головой. Невозможно.

Парень достал перо и пергамент и положил его на землю, начиная неистово черкать, делая расчёты, недалеко от безмолвного и потрёпанного обелиска.

Он подсчитал, что этой штуке должно быть не меньше сотни тысяч лет, чёрт возьми, только от одних размышлений над расчётами и сокращая столько, что архимейстер Райам покончил бы с

собой, он уже мог видеть, что в действительности примерный возраст будет по меньшей мере миллион лет!

Миллион лет!?

Невозможно.

Забудьте о валирийцах, пекло, забудьте даже о Детях леса. Стены ещё и в мечтах у деда Брана Строителя не было, когда этот обелиск построили.

Он медленно сделал несколько шагов назад, с трепетом в сердце рассматривая его.

— Кто, чёрт возьми, построил тебя?.. — прошептал Джоффри.

И зачем?

***

Джоффри решил продолжить следовать плану, но это поразительное откровение всё преследовало его, иногда он вспоминал о нём во время приёма ванной, иногда в полузабытых снах. Ни один мейстер или архимейстер в Цитадели не верил в его заявления, но архимейстер Райам провёл свои расчёты и вынес окончательный вердикт о дате размещения, если и не постройки, обелиска.

Предполагая, что он провёл там большую часть времени, и учитывая возможные ошибки в его проверке общей прочности обелиска и изменение погодных условий, число колебалось в пределах от пятисот тысяч до полутора миллиона лет.

Честно говоря, он не знал, что делать с таким знанием, но пока решил просто позволить этой мысли уложиться у него в голове.

Со временем, его исследования скрижали отошли на второй план, так как Джоффри всё больше и больше очаровывался и изумлялся тем миром, что существовал в пределах Цитадели. Он никогда, даже в самых бредовых мечтах, не думал, что этот мир может быть таким громадным. Не в физическом смысле, а в плане чистого знания, того, как всё работает, что было сделано и что об этом думают. Пространство, не покидая которого, можно изучать внешний мир.

Тяга к странствиям, что стала одним из ведущих идеалов Джоффри с времён его разговора с лордом Старком под чардревом Винтерфелла, теперь была направлена во внутренний мир так же, как и во внешний мир. Он жаждал познать суть вещей, не просто побывать в разных местах или городах, но усвоить разнообразные подходы к мыслительной деятельности.

Он был опьянён знаниями и не собирался выходить из этого состояния в ближайшее время.

***

Джоффри потратил больше времени, чем следовало, на астрономию. По очень веским причинам, по крайней мере, так он говорил сам себе.

Архимейстер Ваэллин, также многими называемый «Ваэллином Кислым», чьи кольцо, жезл и маска были выполнены из бронзы, к его удивлению, оказался весьма приятным в общении. Широко прославленный за достижение в цитадели наибольшего авторитета в качестве

созерцателя звёзд, а также за язвительный, уничижающий острый язык, архимейстер внезапно прекратил отпускать замечания, когда Джоффри предложил сделать заказ на самый большой мирийский телескоп, который только сможет увезти корабль, когда он станет королём.

Ваэллином будто завладел другой человек. Ни с того, ни с сего его глаза озарились внутренним светом, чего, по подозрениям Джоффри, не случалось многие десятилетия. Мужчина стал также моложе выглядеть, увлечённо делясь с Джоффри знаниями о звёздах и созвездиях, о малых планетах и гигантских лунах, а ещё о том, как сам Планетос является лишь одним из дюжины небесных объектов, вращающихся вокруг солнца.

Ваэллин переключился на исполнение своих прямых обязательств, а также стал приветствовать как аколитов, так и своих приятелей архимейстеров улыбкой и взмахом ладони. Настолько невероятной была такая перемена, что аколиты шептались между собой, что архимейстер Марвин «Маг» завладел им в отместку за пренебрежение к нему в прошлом.

Джоффри чувствовал себя настолько виноватым в том, что мужчина так изменился из-за всего-навсего телескопа, которого ему никогда не увидеть, и потому парень дал себе зарок, что когда-нибудь, в будущей жизни, он закажет настолько большой телескоп, что самому «Ибб-Вогану» придётся везти его до гавани Староместа.

Он нарезал круги вокруг «Внутреннего двора», огромного подземного здания, где мейстеры, изучавшие небеса, чертили модели и фигуры прямо на полу, используя из всех возможных материалов мел. Джоффри выучил созвездия наизусть и научился пользоваться самим телескопом.

Для наблюдений за небом использовали обсерваторию или саму Высокую башню раз в три месяца, когда её сигнальные огни ремонтировались и вокруг не было света, способного испортить наблюдения. Мирийский телескоп, используемый архимейстером, был не очень большим, но давал впечатления, назвать которые великолепными было преуменьшением.

Подумать только, другие звёзды были сами по себе аналогичны их солнцу, и каждое такое солнце, возможно, окружали ещё дюжины планет, планет, на которых, может быть, жили другие люди…

Но это порождало ещё больше вопросов. Насколько они далеки? Часто ли можно встретить людей на других планетах или это было редкостью? А что за чёрное пространство между звёзд? Мог ли достаточно сильный дракон отвезти кого-нибудь на другие планеты?

Чем больше он узнавал, тем больше возникало вопросов. Это можно назвать чем-то вроде неудержимого цикла, который, что парадоксально, заставлял Джоффри чувствовать себя тем более несведущим и ни в чём не разбирающимся, чем больше он изучал!

Почему так получается? Движение и вращение? Свет и тьма? Да почему солнце вообще светит?!

Он перестал спать, почти в отчаянии размышляя, как остановить этот цикл невежества и неуверенности в чём-либо.

Но чем больше Джоффри пытался понять, тем меньше у него получалось!

Одной ночью на вершине Высокой башни, он и архимейстер спокойно смотрели в телескоп и делали небольшие заметки, когда вопросы как будто достигли горизонта событий, заставляя его поднять голову от телескопа и взглянуть на небо невооружённым глазом.

Почему они двигаются так? И откуда всё это вообще взялось?

Почему? Почему? Почему?

Столь много вопросов… и архимейстер Ваэллин, самый известный исследователь неба в Вестеросе и, возможно, во всём открытом мире, не знал!

Он не знал!!!

А лорды, короли и рыцари… играют в игру… бессмысленную игру…

Во имя старых и новых богов, мы все словно муравьи на столь большой сцене, столь огромной, что совместная мощь мысли проклятой Цитадели даже не способна узнать, насколько далеко наше собственное солнце от нас, не говоря уже о самом ближнем соседнем!!!

Джоффри, широко раскрыв глаза, пошатнулся от силы этой мысли.

Даже самом ближайшем! И некоторые мейстеры также думают, что есть звёзды настолько тусклые или далёкие, что мы их даже не видим! Словно кто-то попытается, стоя на столе в Иббе, разглядеть маяк на вершине Высокой башни!

И он думал, что повидал мир? Он думал, что знает о том, как всё устроено?

Мы ничего не знаем…

Я ничего не знаю…

Я ничего не знаю!..

Откровение ударило по нему, словно несущаяся шахтёрская тележка. К чёрту Пурпур, прямо перед ним есть куда большая тайна! Тайна, в которой замешаны все!

Он откинулся на стуле с широко открытым ртом, а у архимейстера Ваэллина вырвалась редкая, понимающая улыбка.

Даже учитывая все его жизни… он был ничем, абсолютным ничем пред трепещущей сердце грандиозностью и бесконечностью, что окружали его. У него возникло ощущение аналогичное тому, когда он умирал, неизбежность, что медленно застилала всё, пока Джоффри смотрел на себя словно бы издалека. Он всё удалялся, и удалялся, и удалялся, до тех пор, пока не потерял из взора знакомой суши Вестероса, пока не смог видеть Планетос, пока не мог разглядеть даже солнца, пока не затерялся в море звёзд.

Неожиданно, он осознал что плачет.

Вместо огорчения эта мысль принесла смирение и искреннюю благодарность за то, что смог понять, хоть и на секунду… смог понять правду, куда более великую и прекрасную чем притязания на троны и бастарды… чем короли и королевства…

Чем боль и ненависть.

***

Джоффри пил чай, глазами уставившись в пол, быстро глотая горячую жидкость и не заботясь об обжигающей боли.

Они находились в небольшом подвале под телескопами, которые были пожертвованы Цитадели Домом Хайтауэров.

Рядом с ним на своём стуле сидел архимейстер Ваэллин, что пил чай в гораздо более неспешном темпе, его лицо стало выглядеть ещё моложе, когда он задумчиво улыбнулся.

— Я думал это займёт больше времени… — произнёс архимейстер, слегка откинувшись на кресле.

Джоффри посмотрел на него, взгляд парня был затуманенным и потерянным.

— Когда… вы?.. — спросил он, руками обхватив горячую чашку и часто моргая, пытаясь переварить испытанные ощущения.

Ваэллин нежно улыбнулся, предаваясь воспоминаниям.

— Многие десятилетия назад… это было в конце долгой недели, когда я спал в общей сложности… должно быть по часу в день, торопясь, словно заурядный аколит, закончить задание, что нам дал старый архимейстер Варрос, и над которым я должен был работать в течение всего года, — он сделал глоток из кружки и тепло посмотрел на Джоффри. — Я почти забыл об этом, но стоило мне увидеть тебя, как воспоминания вернулись словно это было вчера, — прошептал мужчина, взглядом устремившись в прошлое. — После безостановочной недели исследований и изучений практически без опыта, я видел созвездия и в брусчатке, — он внезапно рассмеялся. — После сдачи результатов моей работы, я, пошатываясь, направился в личные апартаменты, что мне предоставил мой Дом. Я был настолько измучен и исступлён, что когда завернул за угол и врезался в мужчину с небольшой лампой, в ужасе закричал и упал на землю, уверенный на мгновенье, что лампа была далёким солнцем, что спустилось на Планетос чтобы сжечь меня до тла, — сказал он с весельем в глазах.

— Это тогда вы поняли?.. — уточнил Джоффри.

— Нет-нет, о нет… Я был настолько не в себе, что не смог бы узнать и друга, не говоря уже о потрясающем откровении. Нет, это случилось после того как я завалился в свою кровать и проспал весь день. Мне снилось, что я проводил исследования на вершине обсерватории, когда неожиданно неведомая сила словно подняла меня и понесла ввысь на невероятной скорости, спустя пару секунд я сначала увидел Старомест, затем Вестерос и в конце Планетос, ушедший далеко за пределы моего взора, я пролетал созвездия и все звёзды, чьи имена я только помнил, а затем я всё продолжал подниматься, и подниматься, и подниматься… до тех пор, пока от меня не осталось ничего, это было словно бы, на секунду, я...

— Умер, — прошептал Джоффри. — Взаправду умер, — повторил он.

— Интересное сравнение. Когда я проснулся… как бы сказать, было трудно смотреть на мир так же, как и раньше… Древний архимейстер Гартон, известный своими работами и о разуме, и о небе, умерший задолго до первого восстания Блэкфайра, даже вывел термин, описывающий данное чувство. Трепет сущности, так он это назвал, — сказал Ваэллин, делая ещё один глоток из чашки.

Некоторое время они провели так, в умиротворённой тишине.

— Вашу работу приняли? — внезапно спросил Джоффри.

— Нет. Я был наказан в течение нескольких месяцев, — ответил архимейстер с доброй

усмешкой.

— Ха! Что, вас заставили чистить телескопы? — предположил Джоффри.

Архимейстер Ваэллин возмущённо посмотрел на него.

— С дуба рухнул? Мы даже не позволяем аколитам подходить к ним без присмотра. Они заставили меня чистить щёточки, используемые для чистки телескопов!

Джоффри глупо уставился на него.

А затем залился смехом.

***

Это произошло, когда он изучал архитектуру.

Джоффри учился у архимейстера Гайна, он тогда читал о древних стилях архитектуры в Вестеросе.

Раздел был посвящён Высокой башне и её происхождению… и Джоффри приходилось бороться с зевотой на протяжении двух часов.

Он встряхнул головой и продолжил читать.

«… даже тогда, происхождение основания Высокой башни оставалось загадкой. Единственный другой экземпляр подобного символа (зарисовка присутствует ниже), что я смог обнаружить, находится в Имперском Городе, в Империи Йи-Ти. К моменту написания, я не обнаружил никаких других упоминаний подобного, а итийцы были крайне неразговорчивы по этому поводу.

Стена имеет очень характерную основу опорной конструкции, крайне похожую на работы Брана Строителя или группы архитекторов, что стали известны под этим именем с течением лет…»

Джоффри застыл и ещё раз посмотрел на символ.

— О боги… — произнёс он, беря в руки свою скрижаль из китовой кости.

Он сравнил рисунок и скрижаль…

Они были не похожи друг на друга. Но они явно были частью одного языка или кода.

Рглоровы портки.

Высокая башня.

Йи-Ти.

— АРХИМЕЙСТЕР ГАЙН!!! — прокричал он, бегом выскакивая из библиотеки, пока взгляды остальных пятидесяти аколитов были направлены ему вслед.

***

Архимейстер Гайн, чьи кольцо, жезл и маска были выполнены из красного золота, вёл его по внутренней части Высокой башни, говоря об архитектуре первых людей, когда Джоффри неожиданно спросил его.

— Архимейстер, основания Высокой башни сделаны из сплавленного чёрного камня, ведь так?

Старцу потребовалось время, чтобы понять вопрос, после чего он

кивнул. Гайн был немного похож на Пицелля, только после каждой такой паузы следовала актуальная и полезная информация.

— Безусловно. Природа чёрных камней в основании и техника строительства остаются загадкой, которую многие пытались разгадать, но никто не преуспел. Фундамент Высокой башни ещё более досадная дилемма, так как стиль постройки выглядит старше, чем у традиционных валирийских стилей, а также лишён каких-либо орнаментов... ну, почти лишён, — медленно говорил он умудрённым голосом.

Джоффри оживился, когда тот произнёс последние слова.

— Почти? — переспросил он.

Почтенный архимейстер моргнул.

— Что ж, лишь те немногие, кто имеют звено из красного золота, знают об этом, но у основания Высокой башни есть своё собственное основание. Туда практически невозможно пройти, ибо большинство из туннелей было разрушено временем, но есть один небольшой зал, что сохранился до сих пор, — объяснил он, неспешно пожимая плечами.

Все колокола Королевской Гавани зазвонили в голове Джоффри.

— И там есть орнамент?! — быстро спросил он.

Архимейстеру понадобилось до боли много времени на ответ, набрав воздуха он произнёс:

— Ну скажем так, да. Ничего выдающегося, большая часть не дошла до нас, но...

— Пожалуйста, отведите меня туда, архимейстер Гайн! Это крайне важно! Сейчас же!!! — Джоффри чуть ли не кричал.

Архимейстер ещё раз моргнул.

— ... Думаю с этим проблем не возникнет, — произнёс он, после чего мучительно медленно развернулся в сторону лестниц.

***

Лабиринт был словно переплетением туннелей и становился всё хаотичнее и потрёпаннее временем по мере их спуска. Архимейстеру пришлось открыть трое различных железных ворот, прежде чем они достигли последних, стоило открыть их, как Джоффри вырвался вперёд с масляной лампой.

Казалось, что камень поглощает свет, настолько тёмным он был. Джоффри был окружён чёрными, разъятыми эрозией стенами. Комната была около десяти метров в ширину и двух в высоту.

Камень… был очень похожим на таковой у обелиска… Может, он даже был один и тот же.

Свет от лампы архимейстера постепенно присоединился к свету от лампы Джоффри, и теперь они оба смотрели на одну из стен.

На которой ничего не было.

— Архимейстер… вы уверены что орнамент был здесь? — с сомнением спросил Джоффри, не уверенный в достоверности воспоминаний мужчины, пока он подходил к одному из углов стены.

ЕСТЬ!

Она была там, поблёклая завитушка, почти исчезнувшая, в совершенно неожиданном месте для чего-то настолько важного для Джоффри. Оно было немного похожим больше на квадрат с несколькими точками вокруг и в целом меньше. Оно не выглядело, как символ на его скрижали, хотя он полагал, что оно могло быть похоже, давным-давно… если хорошенько прищуриться…

Похоже архимейстеру Гайну понадобилось немного времени чтобы привести свои мысли в порядок, после чего он нахмурился, что-то упорно вспоминая. Джоффри присоединился к нему в центре комнаты и уже собирался поинтересоваться у него, что тот нашёл, когда архимейстер заговорил:

— Хмм… а! Точно! Посмотри вверх, дорогой «Джофф», это один из последних отголосков древнего прошлого, — вспомнил мужчина.

Джоффри перевёл взгляд вверх.

Посреди потолка было вырезано лицо.

Черты мужчины или юноши были исцарапаны и размыты, но некоторые из них всё же можно было разглядеть. Его рот был открыт в своего рода мучительной агонии, открыт настолько широко, что было удивительно как у него не отпала челюсть. Он был окружён неким веществом, казавшимся плотным, и очертания которого были угловатыми. Лишь руки и нога мужчины виднелись вне этого вещества, но они были скручены, практически вывернуты сами в себя.

Однако было в лице юноши то, что привлекало внимание. Открытый рот, вздутые глаза, то, как шея изворачивается и сминается сама в себя, в то время как Пурпур поглощает его изнутри…

Джоффри ощутил, как земля уходит из под ног и он упал на пол, его дыхание участилось и стало ежесекундным.

Его жилы рвались от натяжения, а ноги бились об пол в агонии настоящей боли.

— Ах, нередко он оказывает такой эффект на людей. «Человек в Море Отчаянья», так его называют. В легендах говорится, что вся комната была покрыта резными фигурами и символами, — произнёс архимейстер, даже не смотря на его реакцию.

Джоффри пошатываясь поднялся, замечая, что чёрные стены начинают вертеться всё быстрее и быстрее, полные искусно выполненных фресок с Джоффри, что вечно перемалывался Пурпуром…

— МНЕ НУЖНО ВЫЙТИ!!! — прокричал он, выбегая из туннеля, топча и прорываясь сквозь острые камни и остатки руин, длинные проходы тянулись до бесконечности и никак не кончались...

Прежде чем он не вынырнул из гнетущей тьмы, падая на пол и крича.

Джоффри полностью заполнил вдохом лёгкие, руками схватившись за свой живот.

…

Красные листья под чардревом… нежное покачивание ветвей… тепло корней...

…

Постепенно, он вернул контроль над собой.

Его дыхание вернулось в норму.

Это невозможно...

… это не мог быть я.

ЭТО НЕ МОГ БЫТЬ Я.

http://tl.rulate.ru/book/61076/1584621